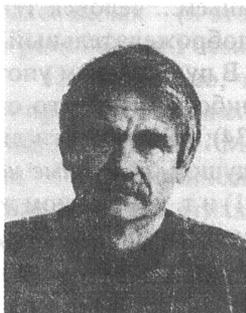

ВЕСЕЛЫЕ ГРОБОКОПАТЕЛИ: ПУШКИН И ЕГО “ГРОБОВЩИК”

Так! – весь я не умру... Я скоро весь умру...
Державин “Памятник” Пушкин “Андрей Шенья”

“Гробовщик” был написан первым из пяти “Повестей Белкина”. Симметрично обрамленный остальными повестями, он занял центральное место в композиции книги. На последней странице рукописи этой “замогильной” повести мы читаем: “А вот то будет, что и нас не будет”, – надпись, которую Пуш-

кин первоначально собирался поставить эпитафией ко всем “Повестям Белкина” (VIII, 625). Это мрачное изречение – афоризм святогорского игумена Ионы, наставлявшего Пушкина во время его ссылки в Михайловском.

О загробной теме заявлено в “Гробовщике” на двух уровнях. Элегический эпитафийный стих из державинского “Водопада”: “Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной?”¹, – открывает высокий, космический уровень, который тут же снижается описанием настоящих гробов, наполняющих кухню и гостиную гробовщика. Крутой срыв из поэзии в прозу, от возвышенных “гробов” к низменному товару, – гротескная материализация державинской метафоры. Одним из основных приемов поэта на пути к прозе было принижение поэтического канона. Вывеска над лавкой гробовщика снижает другой высокий поэтический образ:

«Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью: “Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починяются старые”» (VIII, 89) (курсив наш. – С.Д.).

В этой причудливой вывеске, претендующей на предмет реального быта, есть что-то парадоксальное. “Амур с факелом” более подходит к альбому “уездной барышни”, чем к мастерской угрюмого гробовщика. Не менее подозрительна и сама надпись. Обе эти детали вводили в недоумение исследователей, сомневавшихся в уместности “Амура” и в возможности “отдавать напрокат и починять старые

гробы”. В статье «Мрачный Купидон: Поэтика пародии в “Повестях Белкина”» мы объясняли этот парадокс, исходя из общего поэтического замысла “Повестей”². Эмблема Амура и гробов, представляющая “любовь” и “смерть”, объединяет на уровне сюжета все остальные повести. В четырех других повестях “роману верных сердец” угрожает какая-то третья сила, которая в конце оказывается обезвреженной, и любовь торжествует. В “Выстреле”, “Метели”, “Станционном смотрителе” Пушкин соединяет любящие сердца (Графиню с Графом, Марию с Бурминым, Дуню с Минским) в буквальном смысле “над гробом” третьего, угрожавшего их счастью героя (Сильвио, Владимир, Вырин). В последней повести, “Барышне-крестьянке”, Пушкин обошелся без трупов. В этой счастливой развязке “Повестей Белкина” Пушкин ведет Владимира и Лизу под венец уже за сценой, где над “могилой” старинной родовой вражды будет строиться их счастье. В статье “Мрачный Купидон...” мы заключили, что во всех четырех повестях Пушкин показал себя и ловкой свахой, и умелым могильщиком, а в не вписывающемся в эту схему “Гробовщике”, в котором нет ни любовной интриги, ни смерти третьего, именно вывеска с Амуром и надписью о гробах «эмблематически отражает, а быть может, и порождает тематическое единство “Повестей Белкина”».

Как свидетельствуют варианты, вывеска над лавкой гробовщика вначале изображала “красивый гробец” (VIII, 625). Последующую его замену “дородным Амуром с опрокинутым факелом”, как и парадоксальную надпись о “починке и прокате” гробов, можно, по моему, объяснить не только в метафорическом плане, но и в полном соответствии с реальным похоронным бытом того времени и связанной с ним символикой. Эрос /Амур/ Купидон с факелом в руке – классическая аллегория, имевшая два значения, в зависимости от положения факела. Зажженный и поднятый вверх факел означал земную любовь и принадлежал к свадебной символике, в то время как встречавшийся реже погасший опущенный факел обозначал смерть и обещание посмертной жизни. Эти дополняющие друг друга фигуры часто помещались на греческих саркофагах и воспроизводились европейскими поэтами и художниками восемнадцатого века³. Ряд Амуров с опрокинутыми факелами мы находим среди гравюр, подобранных Державиным для издания собственного собрания сочинений. Эти изображения Амуров были задуманы как виньетки к его многочисленным стихотворениям “На смерть...” . Пушкин и сам использовал эту аллгорию в своем обращении к умершему поэту:

С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! мечь!
 (“К Жуковскому”, 1816).

Дельвиг в одном из своих последних стихотворений, “Смерть, души успокоенье!”, использовал этот образ в обоих значениях:

Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный *пламенник* ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой *светоч* неземной?

В девятнадцатом веке в России опрокинутые факелы часто изображали на рельефах надгробий. Обелиск, воздвигнутый в 1841 году над могилой Пушкина в Святогорском монастыре, украшен двумя перекрещенными опрокинутыми факелами. Разумеется, более прозаические факелы мы находим у Прохорова в шкафу, где они соседствуют с “траурными шляпами, мантиями” и другими похоронными принадлежностями. Таким образом, Амур с опрокинутым факелом над входом в лавку гробовщика совершенно законен и достоверен в контексте русского похоронного быта.

В статье “Мрачный Купидон...” мы утверждали, что текст надписи относительно “отдачи напрокат и починки” старых гробов лишен смысла на бытовом уровне, но в переносном плане его можно осмыслить как метафору пушкинского понимания пародии. Говоря фигурально, ремесло гробовщика и писателя не так уж далеки друг от друга. Пушкин называет прохоровские гробы “произведениями”, а реальный гробовщик, “починяющий” старые гробы, действительно чем-то напоминает словесного гробовщика Пушкина, “берущего напрокат и починяющего” для “Повестей Белкина” мертвые литературные сюжеты (сентиментальный в “Метели”, романтический в “Выстреле”, нравоучительный в “Станционном смотрителе”, комедийный в “Барышне-крестьянке”). Развивая метафорические параллели между делом и изделиями ремесленника и художника, мы предположили, что и сами “Повести Белкина” можно рассматривать как своего рода “гробы-пародии”, в которых Пушкин “хоронит-пародирует” выдохшиеся литературные традиции, приемы, их авторов и шаблонных героев.

К этому я хотел бы добавить, что не только в переносном, но и в буквальном смысле фраза об “отдаче напрокат и починке” старых гробов не так уж парадоксальна, и ей может быть найдено более прозаическое, бытовое объяснение. Во время отпевания в церквях, например, простой гроб или ящик с покойным для торжественности помещали в другой, богато украшенный гроб, который не опускался в могилу. Эти внешние, парадные гробы отдавались напрокат приходями или гробовщиками, и, поскольку многократно использовались, нуждались в починке. В России был также обычай заготавливать себе гроб задолго до смерти. Гроб клали на чердак и хранили в нем зерно⁴.

Таким образом, и Амур с опрокинутым факелом, и причудливая надпись об отдаче напрокат и починке гробов вполне обоснованы, и вся картина похоронного быта достоверна, хотя и удивительна.

В.В.Виноградов когда-то отметил, что слова у Пушкина “семантически намагничены”. Изображая свой литературный предмет, они “косят и подмигивают” в сторону быта: “За словом, фразой предполагались скрытые мысли, символические намеки на современность”. В этой “своеобразной каламбурности” Виноградов усматривает основной прием пушкинской поэтики⁵. Имя гробовщика, Адриан Прохоров, по-моему, хороший пример такой каламбурной переключки между сочиненным и реальным (literal/literary) миром. Из письма Пушкина к невесте мы, например, знаем, что имя Адриан принадлежало настоящему похоронных дел мастеру, чья лавка была напротив дома Гончаровых в Скарятинском переулке⁶. Но в то же время имя гробовщика вплетается в тонкую сеть внутритекстовых соотношений, подчиняющихся чисто литературному замыслу повести. Заявка на такую роль дана уже в первом абзаце, в котором имя Адриана Прохорова фактически разливается на окружающий его текст и рождает неполную, но плотную анаграмму, связывающую гробовщика с его ремеслом: “Последние пожитки гробовщика *Адриана Прохорова* были взвалены на *похоронные дроги*, и тощая пара в четвертый раз потащила с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселился всем своим домом” (VIII, 89).

У Пушкина часто незаметная анаграмма, возникшая вокруг личного имени (или иностранного слова), образует замысловатый семантический или тематический узор, который, в свою очередь, может обрасти собственным сюжетом⁷. Если прочитать повесть, специально настроившись на поиски подобных анаграмм, на что и наталкивает ее первый абзац, мы заметим, например, что гробовщик Адриан Прохоров разделяет с анонимным издателем “Повестей” А.П. общие инициалы. Эту мелочь можно было бы считать случайностью, если бы Пушкин нам не оставил и ряд других намеков на существование определенного тайнописного шифра. В черновиках к “Гробовщику”, например, Александр Сергеевич наделяет Адриана Прохорова созвучным отчеством “Симеонович”, делая их инициалы идентичными (VIII, 635). “В художественном произведении нет неговорящих имен”, – уверяет Юрий Тынянов⁸ и, по-моему, имя гробовщика – не исключение.

Вряд ли случайно и то, что Адриан Прохоров продал свой первый в жизни гроб в 1799 году. На уровне исторического быта выбор этого года можно соотнести с изданием “Устава о цехах” императора Павла I, но в этом же году родился и Пушкин. Несмотря на пуш-

кинскую оговорку, что “из уважения к истине” его гробовщик не будет похож на веселых гробокопателей Шекспира и Вальтера Скотта, Пушкин все-таки следует за Шекспиром, у которого могильщик вырыл свою первую могилу как раз в год рождения Гамлета. С каждым новым совпадением такого рода становится все более очевидно, что в основу “Гробовщика” заложена некая шарада, решение которой может объяснить природу тайной связи между ремесленником А.П. и художником А.П. и родом их деятельности.

Топография повести тоже своеобразно преломляет реальную жизнь художника в вымышленную жизнь ремесленника. В первом предложении Адриан Прохоров переезжает с Басманной на Никитскую. Обе эти улицы, как и остальные места Москвы, упомянутые в повести (Разгуляй, Никитские Ворота, церковь Вознесения), тесно связаны с пушкинской биографией. Он родился на Немецкой улице в непосредственной близости от старого местожительства Адриана Прохорова на Басманной. Здесь, на Басманной, жил и автор “Опасного соседа” Василий Львович Пушкин, дядя поэта и староста общества “Арзамас”, у которого Пушкин останавливался в 1826 г.

Особым образом вывеска гробовщика (любовь и смерть) соотносится с его визитом в Москву в мае 1830 г. Пушкин приехал, чтобы сговориться о своей помолвке с Натальей Гончаровой (6 мая) и попытаться (безуспешно) добыть денег на ее приданое, что было условием будущей свекрови. Подавленный неудачей, он сообщает другу-арзамасцу Вяземскому:

“Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на *свадьбу* подарить нам стихи. На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает чем и зачем он живет” (XIV, 88) (курсив наш. – С.Д.). По злой иронии судьбы, пушкинская шуточка не осталась без последствий: 20 августа Василий Львович умер и Пушкину пришлось взять на себя хлопоты и расходы по дядиным похоронам. “Il faut avouer que jamais oncle n’est *mort* plus mal à propos. Voila mon *mariage* retardé encore de 6 semaines ...”, – жаловался Пушкин Е.М. Хитрово (XIV, 108) (курсив наш. – С.Д.). Из-за смерти дяди и новых долгов пришлось вторично отложить дату свадьбы. Иными словами, “смерть” вмешалась в “роман”, факел в руке Амура на время опрокинулся. Не зная, чем все кончится, Пушкин уезжает в Болдино, где вскоре начинает писать “Гробовщика”.

В первом предложении повести Адриан перевозит свою лавку с вывеской с Басманной на Никитскую, на другой конец Москвы. Здесь, на Никитской, жила невеста Пушкина Наталья. Пока Пушкин в Болдино писал “Гробовщика”, Москву с окрестностями поразила эпидемия холеры морбус (разновидность азиатской холеры). Зараза

распространялась быстро, все, кто могли, уехали, но Наталья с семьей оставалась в Москве. В письме из Болдино Пушкин увещевает свою невесту покинуть город и неблагоприятное соседство: “Как Вам не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это хорошо для вашего соседа Адриана, у которого выгодные заказы (перевод с фр.). Mais Наталья Ивановна, mais vous!” (XIV, 120).

Отделенный от невесты четырнадцатью карантинами, не имея уверенности, что свадьба вообще состоится, Пушкин ждал новостей из Москвы. Из-за объездов, связанных с карантинами, письма Натальи запаздывали и штемпелевались в Арзамасе, провинциальном городке, хорошо известном своими гусями и прославленным Арзамасским обществом. Рисунки на рукописи “Гробовщика” тоже свидетельствуют о тесной связи пушкинской биографии и повести. На последней странице, датированной 9 сент., под рисунком, изображающим возницу похоронных дрог, и вслед за фразой: “А вот то будет, что нас не будет”, Пушкин набрасывает профиль невесты и приписывает: “Письмо от Nat.”. В тот же день он пишет Плетневу: “Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусают – того и гляди, что к дяде Василию отправлюсь, а ты пиши мою биографию” (XIV, 112).

Кажется, что в “Гробовщике” Пушкин сам взял на себя труд написать часть такой биографии. Сватовство к Наталье (поднятый факел) и близость смерти (опрокинутый факел) подводят под эту фантастическую повесть с загадочной вывеской реалистический фон. Фон этот просвечивает и сквозь не менее фантастическое стихотворение “Бесы”, которым открывалась болдинская осень: “Домового ли *хоронят*, / Ведьму-ль *замуж* выдают?”.

В эту осень Пушкин находился не только между “свадьбой” и “похоронами”, но и на пути от Амура к Гименею. Накануне женитьбы Пушкин прощается в элегиях с любимыми женщинами и со своим “донжуанским прошлым” (“Прощание”, “Заклинание”, “Для берегов отчизны дальней”, “Каменный гость”). Отголосок болдинских раздумий о предстоящем браке можно услышать и в “Гробовщике”. После переезда на Никитскую новый сосед Шульц пригласил Адриана на празднование серебряной свадьбы. (Недалеко от этого места, в храме Вознесения у Никитских ворот – оба упомянуты в повести – состоится 18 фев. 1831 г. долгожданная свадьба Пушкина и Натальи). Во время празднования серебряной свадьбы немецкие ремесленники поднимают тосты за своих клиентов, что, естественно, оскорбляет гробовщика. Он отказывается пить с “басурманами” за здоровье “православных мертвецов” и вместо этого приглашает их к себе на новоселье.

За серебряной свадьбой следует еще одна церемония – похороны Трюхиной. Гробовщик нетерпеливо дожидался ее смерти и хоронит

ее, правда, преждевременно, во сне, той же ночью. Возвращаясь с похорон, Адриан замечает, что кто-то вошел в его калитку, и спрашивает: “Не ходят ли любовники к моим дурам?” Но те, кого гробовщик принял за пособников Купидона, оказываются посланниками его мрачного vis-à-vis с опрокинутым факелом: православные мертвецы откликнулись на приглашение Адриана и восстали из своих могил на празднование новоселья в “желтом доме” на Никитской.

Чтобы завершить ряд празднеств, а также шараду, в которой имена собственные сыграли такую роль, в конце повести Пушкин приглашает гробовщика еще на одно застолье, на именины частного пристава. Это намечающееся уже за пределами повести событие изящно завершает серию торжеств: от серебряной свадьбы – к похоронам – к новоселью – и к именинам.

Какими бы мимолетными ни казались эти биографические и топографические штрихи, все они отсылают к общей основе. Сквозь повесть Пушкина, выдержанную в духе фантастических рассказов Гофмана, просвечивают автобиографические детали, а вымышленная жизнь гробовщика то и дело “косит и подмигивает” в сторону реальной жизни Пушкина. Причудливая вывеска над лавкой гробовщика – та призма, через которую фантастика преломляется в реальность, поэтика в биографию, а мрачная профессия ремесленника А. П. в веселое занятие художника А. П. На самом отвлеченном уровне эта эмблема “любви” и “смерти” отражает, а может быть, и порождает тематическое единство всех “*Повестей Белкина*”, в которых Пушкин так успешно строит счастье двух сердец на могиле третьего.

* * *

Похоже, что с ночным приходом православных мертвецов в “желтый дом” гробовщика в повести кончается реальность и начинается, наконец, чистый вымысел: “Комната была полна мертвецами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшиеся носы... Адриан с ужасом узнал в них людей, погребенных его стараниями...” (VIII, 93).

Но даже эта сцена при луне, как бы взятая напрокат из дешевого готического романа ужасов, не лишена некоторого реального основания. Как мы знаем, сам поэт был недалек от мрачной профессии ремесленника, и в свое время похоронное дело было семейным предприятием двух знаменитых Пушкиных: “похоронного профессора и заслуженного гробокопателя” Василия Львовича, старейшины Арзамасского общества”, и его племянника, Сверчка, ставшего членом общества в 1817 году. Хотя ни в каких цеховых списках их имена не числились, деятельность Арзамаса (кроме поедания арзамасских гу-

сей) сводилась в основном к ритуалу отпеваний и похорон. Наподобие членов более престижной Academie Française, каждый будущий арзамасец должен был при посвящении в общество зачитать некролог на своего покойного предшественника. Но в отличие от членов Французской Академии, все арзамасцы почитались бессмертными. Поэтому девятый пункт их устава гласил: "...за неимением собственных готовых покойников... брать *напрокат* покойников между халдеями Беседы и Академии..." (84). Чтобы достичь бессмертия, каждый арзамасец должен был в шутовском надгробном слове отпеть труп живого писателя из Беседы или Академии и очистить себя в этом ритуале эстетически: "Да спадет с нас "беседная" пакость, как с гуся вода!... (гусь был эмблемой Арзамаса) Да воскреснем..." (Жуковский – Светлана, с. 35). В результате арзамасских заклинаний трупы беседчиков восставали из своих могил на манер мертвецов в "Гробовщике":

"Вдруг подземельные завывания пронзают слух мой: я озираюсь вокруг с трепетом. Се час таинственных явлений! Зловещие враны и филины, сидевшие на окрестных кипарисах, с криком летят к отверзающимся гробницам. Медленно восстают из них бледные, унылые тени, покивают иссохшими главами и, сплетясь рука с рукою, идут на меня. Хочу поднять окаменелые стопы свои и предаться бегству, но путь прегражден мне..." (Дашков – Чу, с. 94)

"Амур" и "гроб" принадлежали к излюбленным образам арзамасцев. Литературная одержимость членов Беседы и Академии приписывалась их "литературному сладострастью" и "непреоборимой страсти плодиться" (Уваров – Старушка, с. 119–120), а детищам их, естественно, было отказано в бессмертии. Чтобы подчеркнуть их тленность, арзамасцы награждали литературную продукцию Беседы кладбищенскими сравнениями: "Тяжелые плоды полунощных трудов, / Усопших од, поэм забвенные могилы!", "Но да не будет воскресенья / Усопшей прозы и стихов" (Пушкин)¹⁰. "Рассуждение о старом и новом слоге русского языка" адмирала Шишкова (известного под именем Седой дед) и его переводы из Лагарпа превратились в переводе на арзамасский жаргон в "жалкий скелет Рассуждения" и "горестный пепел двух статей" (Жуковский – Светлана, с. 104). Произведения графа Хвостова (известного под своим именем) оборачивались гробами: "А все книжные лавки наполнены разнообразными гробами его! И недавно, арзамасцы, я сам купил один такой гроб за восемь рублей шесть гривен и получил сорок копеек сдачи медью. Ежеминутно таскают его на сие кладбище беседных покойников, но только успеют по нем совершить тризну, как он опять подымается, опять бежит на ловлю смерти, и смотришь, опять волокут его в могилу, опять отпевают, и тщетны сии отпевания..., не скоро угомонится кашей бессмертный" (Жуковский – Светлана, с. 107).

В 1816 году умер Державин, один из основателей и четырех столпов Беседы. Смерть единственного уважаемого среди арзамасцев члена Беседы стала роковым событием в истории Арзамаса. Похороны Державина были красочно описаны Дашковым – Чу. Под чтение державинских гимнов три председателя Беседы несли гроб с четвертым на кладбище. В предвосхищении посмертного чуда неподдерживаемый угол гроба плыл по воздуху – “и вдруг вся картина оживилась новым, лучезарным светом. Свинцовый гроб раскрылся: и вместо мнимого покойника, встал из одного безобразный призрак, который злобно хохотал и дразнил несущих его и окружающих, высывая длинный язык свой. Истинный певец Фелицы, сияя бессмертием, сидел на облаке... Белый гусь Арзамаса летал вокруг его...” (201).

Вместе со смертью Державина умерла и Беседа, и Арзамас остался без противников. Предвидя конец Арзамаса, “похоронный профессор и заслуженный гробокопатель” Василий Львович Пушкин принимает клятву: “Мы вечно будем удивляться многоплодным их произведениям, вечно отпевать их, вечно забавляться их трагедиями, плакать и зевать от их комедий, любоваться нежностью их сатир и колкостью их мадригалов. Вот чего я желаю, и чего вы, любезные товарищи, должны желать непрестанно для утешения и чести Арзамаса” (152).

Вслед за Державиным и Беседой умер и Арзамас, а к 1830 г. не стало и его старейшины Василия Львовича, скончавшегося незадолго до того, как Пушкин сел писать “Гробовщика”. Но дух Арзамаса, которым пропитаны страницы этой повести, продолжает еще здравствовать в письмах Пушкина к его арзамасским друзьям¹. Воскрешая в “Гробовщике” арзамасское искусство веселого гробокопательства, племянник не только выполнил дядины заветы, но и остроумно подтвердил аксиому русских формалистов, что “наследование при смене литературных школ идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику¹²”.

¹ Цитата неточная. У Державина: “...всякой день...”

² David Bethea and Sergei Davydov, “Pushkin’s Saturnine Cupid” *The Poetics of Parody in The Tales of Belkin* // Publications of Modern Language Association of America. N 96 (1981). P. 8–21.

³ Cp.: A. Pauly and G. Wissowa, *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (Stuttgart: Alfred Druckenmüller, 1907). 6/1: 507–509. История, анализ и иллюстрации этой эмблемы содержатся в статье R.W.Lee. Van Dyke: Tasso and Antigone // *Studies in Western Art*, 3 (1961), С.16–18.

⁴ Славянские Древности. М. 1995. Т. 1. С. 555.

⁵ Виноградов В. О стиле Пушкина // *Литературное наследство*. Т. 16–18. М., 1934. с.136.

⁶ См.: Волович Н. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979. С. 177.

⁷ Как свидетельствуют черновики, данная анаграмма намеренна: в первом варианте были “дрожки без рессор”, которые Пушкин заменил на “похоронные дроги” (VIII, 625). В статье “The Sound and Theme in the prose of A. S. Pushkin: A Logo-Semantic Study of Paronomasia”, *Slavic and East European Journal* 27 (1983): 1–18 я пытался показать ряд звукообразов и сюжетов в прозе Пушкина, возникших вокруг названий или имен.

⁸ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 27.

⁹ Арзамас и арзамасские протоколы. Л. 1933. С. 141. Кроме звания “гробокопателей”, у арзамасцев были клички, взятые из баллад Жуковского (приводятся ниже). В тексте ссылки на это издание приводятся с указанием страниц в скобках (курсив везде наш. – С.Д.).

¹⁰ Пушкин. “К Жуковскому” (1816) и “Христос воскрес” (1816) из письма дяде. Ср. также раннее применение этой могильной метафоры к литературному произведению у Батюшкова и Измайлова: “Кладбище милое стихов, бумажные могилы”, из совместной пародии “Певец в Беседе славянороссов” (1813). Цитату из Измайлова “с секирой и в броне сермяжной” (сказка “Дура Пахомовна”) Пушкин использовал в тексте “Гробовщика”.

¹¹ См., например, письма Вяземскому в августе 1831 года: “20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние арзамасцы поминали своего старосту *ватрушками* (арзамасская кличка Вас. Льв. была “Вот” и “Вотрушка”), в кои *воткнуто* было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас” (XIV, 205) (курсив наш. – С.Д.).

¹² Шкловский В. О теории прозы. М., 1929. С. 227.

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 60-ЛЕТИЮ
ПРОФЕССОРА
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОМИЧЕВА

ПУШКИН И ДРУГИЕ

НОВГОРОД
1997